

ПОСЛЕ

НЕРАВЕНСТВО

ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА | РОЛАН АВДЕЕВ | АДЯ ДЕНИСЕНКО | АЛЕНА СОЙКО | ИТИЛЬ ТЕМНАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

1. Ждет ли Москву восстание колоний?	5
Елена Соловьева	
2. Тихоокеанская Республика	13
Ролан Авдеев	
3. Китайская мечта для российской нации	25
Аля Денисенко	
4. Плата за тонны	37
Алена Сойко	
5. Большинства не существует	49
Итиль Темная	

Елена Соловьева

ЖДЕТ ЛИ МОСКВУ ВОССТАНИЕ КОЛОНИЙ?

Экологические проблемы,
политические противоречия
и протестная динамика
в республике Коми

Сейчас, когда режим Путина ведет войну с Украиной, об антиколониальных настроениях в различных субъектах Российской Федерации говорить довольно непросто. Любая открытая критика, исходящая из разных уголков страны, удаленных от Москвы, сразу расценивается как «пособничество врагу». Туман войны, описанный еще Карлом фон Клаузевицем, накрыл всю страну. Да так плотно, что вглядываясь в него и не видя никаких проблесков, некоторые из уехавших критиков режима трактуют ситуацию как молчаливую и не очень поддержку войны большинством. Некоторые даже ссылаются на социологические опросы. Хотя сложно поверить, что в нынешних российских реалиях они могут являться эффективным инструментом.

А что же может? На что можно опереться так, чтобы понять, что же происходит под плотным слоем тумана? Попробуем разобраться с этим на примере Республики Коми.

Экологический протест как ящик с двойным дном

Во-первых, можно попытаться проанализировать довоенные антиколониальные настроения и их причины. Если сейчас о них говорят не так часто и не так громко, это не значит, что начатая Путиным война вмиг все испепелила. Если говорить об антимосковских настроениях в Коми, вызванных в первую очередь колоссальным неравенством при распределении средств между столицей и большинством субъектов федерации, то невозможно поверить, что нынешние трудности заставили забыть прошлые обиды.

Во-вторых, необходимо вспомнить протесты в России за последние десятилетия. Если мы будем рассматривать наиболее массовые и успешные, такие как борьба за сквер в Екатеринбурге, Шиес или Куштау, то вскоре убедимся, что большинство из них так или иначе связаны с экологическими проблемами. Можно сделать вывод, что людей в России очень беспокоит состояние экологии. Это, разумеется, так, но это далеко не вся правда. Возьмите любой крупный экологический протест, и вы увидите в нем массу неопитов, которые раньше выказывали недовольство чем бы то ни было только друзьям на кухнях.

Экологический протест для людей не так страшен: он как бы не про политику, он, что важно, про защиту своей земли и здоровья детей, что тут же придает ему мощную легитимность в умах тех, кто в нем участвует.

С другой стороны, все крупные протесты моментально политизируются, а их участники, начав говорить, уже не могут остановиться и припоминают все. Уже на первых митингах против строительства мусорного полигона на Шиесе (на границе Архангельской области и Коми) в конце 2018 выступавшие начали говорить о колониальном подходе Москвы к различным областям и республикам: мы им нефть, уголь, газ, лес, а они нам — мусор. Начался сбор подписей за отставку губернаторов, а затем, сначала в Коми, а потом и в Архангельской области, на митингах стали требовать отставки Путина. В июне 2020 года в Сыктывкаре такой митинг собрал, по разным подсчетам, от 7 до 10 тысяч человек, и они массово проголосовали за резолюцию, предлагающую и уход президента России от власти.

Это не к тому, что мы сейчас должны вспомнить славные вехи протестной истории, а к тому, что надо очень внимательно следить за тем, как канализируется протест прямо сейчас. Война ослепляет своей глобальностью, и за ней мы зачастую не видим множества мелких протестных очагов, горящих по всей стране. Например, в Кузбассе протестуют против угольных разрезов, а в столице Коми Сыктывкаре борются с очередным мусорным полигоном. Многие из них по-прежнему связаны с экологией. В частности потому, что для недовольного происходящим в стране и за ее пределами проще и безопаснее спустить пар через экологический протест. Кстати, именно поэтому Минюст, как око Саурона, в последнее время разворачивается в сторону экологических активистов.

Раскол

От вертикали власти, на которую была насажена Россия, давно стали расходиться трещины. Если описать эту систему вертикальных взаимоотношений грубо, то она во многом сводится к тому, что сначала из областей и республик забираются все средства, а потом федералы раздают всем понемногу из общей кучи.

Так, Республика Коми, много лет страдающая от нефтеразливов, доходов от продажи нефти не видела с 90-х годов. А в 2009 году федералы — цап-царап, и отобрали последние 5% налога на добычу полезных ископаемых, оставляемых республике. Львиная доля налогов от добычи полезных ископаемых оседает там, где расположены головные офисы компаний, то есть, если говорить о крупном бизнесе, чаще всего в Москве. Таким образом, богатый ресурсами регион оказывается в роли нахлебника с протянутой рукой. И для того чтобы видеть эту проблему, жителю этого региона не нужно быть специалистом в области экономики.

В России уже стало мемом выражение «Как похорошела столица при Сергее Собянине». Речь идет о мэре Москвы, и сами москвичи вкладывают в это выражение иронию. Но из самих областей и республик ситуация видится иначе: Москва действительно расцветает на фоне обнищания остальной страны. Чтобы видеть, как похорошела столица, не нужно разбираться в экономических отчетах и смотреть статистические выкладки: отличие от почти всех субъектов федерации будет очевидно. Само сравнение уровня жизни в столице и за ее пределами демонстрирует вампирическую сущность путинского режима.

Но вскоре можно будет увидеть и другое, не экономическое отличие, — с фронта начнут возвращаться мобилизованные, и проблема того, что в этой войне богатые прикрывались телами бедных, станет куда более выпуклой и очевидной для большинства. Важно осознавать, что этот глобальный разлом изначально сформирован федеральной властью, которая впоследствии делала все, чтобы его «расширить и углубить». Дело даже не в том, насколько вероятен центробежный процесс в обозримом будущем, а в том, можно ли его хоть как-то избежать.

Недовольство «варягами»

В сентябре 2021 года бюджетников в Коми массово погнали на выборы. От республики в депутаты Госдумы баллотировались лидер региональной фракции КПРФ Олег Михайлов и Ольга Савостьянова от «Единой России». Предполагалось, что бюджетники, как обычно, обеспечат поддержку правящей партии. Но, похоже, именно они продвинули оппозиционного кандидата. Михайлов к этому моменту был известен как оппозиционер,

поддерживавший экологический протест на Шиесе, призывавший на митингах перестать «кормить Москву» и выступавший за замену постоянно рвущихся в Коми нефтепроводов.

О том, что именно бюджетники пришли на выборы «с фигой в кармане», в Коми начали говорить буквально на следующий день после голосования. В республике с небольшим населением, где все друг у друга на виду, скрыть подобные настроения фактически невозможно. В республику в качестве руководителей дважды подряд сослали двух непопулярных «варягов». Федералам пришлось раньше срока снять с должности Сергея Гапликова, провалившего борьбу с коронавирусом и прославившегося танцами на праздниках, дружбой с одиозным архиепископом Питиримом (Волочковым) и грубым обращением с подчиненными.

Следующий за ним Владимир Уйба изначально позиционировался как интеллигентный доктор, но смог выиграть выборы в главы Коми в 2020 году, только состязаясь со спойлерами. Неудобного Михайлова тогда до выборов не допустили по формальным причинам. А Уйбе удалось переплюнуть Гапликова после заявления «я для вас Путин» в ответ на жалобу жителей Усинского района об очередном нефте-разливе и скандала с Михайловым в апреле 2021 года. После того как лидер республиканского рескома обвинил главу Коми в том, что его победа на выборах была нечестной, Уйба, уже в кулуарах, обматерил оппонента и назвал его «конем». Тогда вступаться за губернатора пришлось пресс-секретарю президента Дмитрию Пескову.

Общественная реакция в Коми была довольно однозначной: поведением «варяга» возмущались, а Михайлов набирал политические очки. Выиграв выборы в Госдуму, он дал интервью изданию «Север.Реалии», где в очередной раз высказал свою антиколониальную позицию: «Вся наша работа идет против колониальной системы. Сегодня сложилась абсолютно ненормальная ситуация, когда из субъектов федерации налоги уходят в федеральный центр: из Коми до двух третей уходит. Фактически мы являемся колониальным придатком Российской Федерации. Это неправильно».

Присланный федералами «варяг» Уйба также стал широко известен как владелец бизнеса в Чехии и участник коррупционных скандалов, связанных со строительством космодрома Восточный. Такие характеристики в Коми многих не удивляют: считается, что

губернаторов в республику присылают не столько на кормление, сколько в ссылку. После своей недавней поездки в Донецкую область Уйба снова стал объектом для насмешек, рассказав, как он шесть раз ловко увернулся от ракет HIMARS. Война не сплотила людей вокруг местной власти: спущенный из Москвы губернатор по-прежнему воспринимается многими жителями республики как оскорбление.

В это же время местный телеграм-каналы не забывают напоминать об аппетитах федералов и провальной экономической политике местной власти. Один из них, с говорящим названием «Новая республика», анализирует местный бюджет на 2023–25 годы и сообщает, что «Москва будет больше брать и меньше отдавать». 31 января официальный паблик Олега Михайлова опубликовал пост о том, что Уйба должен либо объявить режим чрезвычайной ситуации в Воркуте после аварии на очистных сооружениях, либо уйти в отставку. Драматичная борьба с московскими ставленниками не утихала с 2016 года, когда главой республики стал бывший глава «Олимпстроя» Сергей Гапликов.

Отдельно стоит отметить, что возмущение могут вызвать не только экологические, но и социальные проблемы. Национальный вопрос тоже остается очень болезненным.

Национальный ответ

В республике, согласно переписи населения 2010 года, проживает 23,7% людей коми национальнойности. После переписи 2022 года их количество может существенно уменьшиться. Не столько потому, что их физически стало меньше, а потому, что на этот раз переписчики не спрашивали людей о национальнойности. И некоторые из участников жаловались на то, что их национальность записывали, только если они сами об этом просили. Кто-то успел заметить, что его записали «русским», хотя человек относит себя к коми. Демограф Алексей Ракша назвал эту последнюю перепись «кривой» из-за ее низкого качества.

Разговоры о том, что количество коренного населения хотят занизить искусственно, идут на фоне постоянных слухов то о слиянии республики с Архангельской областью, то об отмене национальных республик вообще. Они, как теперь широко известно, появились после Октябрьской революции 1917 года и своим созданием обязаны

Владимиру Ленину. Год назад именно на этом основании Владимир Путин поставил под сомнение государственность Украины и начал войну. Естественно, это вызывает постоянную нервозность и подозрения в том, что национальные республики ждет судьба Уйгурского автономного района Китая, ныне известного как Синьцзян.

После отмены обязательного изучения национальных языков в школах в 2017 году по Коми прокатилась волна протестов. В 2021 году Алексей Иванов, которого суд решил оштрафовать за участие в митинге в поддержку Алексея Навального, потребовал, чтобы рассмотрение дела шло на коми языке и отказался говорить по-русски, чем вызвал бурное негодование судьи. Этот случай стал широко известен и за пределами республики.

В 2022 году депутаты парламента Коми от КПРФ Виктор Воробьев, позже признанный «иноагентом», и Николай Братенков открыто высказались против войны в Украине в соцсетях. Антивоенную позицию занимают и многие каналы, рассказывающие о культуре, истории и языке коми, например *Komi Daily*.

Национальный вопрос в Коми в целом стал настолько болезненным, что давление из центра может вызвать ожесточенную ответную реакцию.

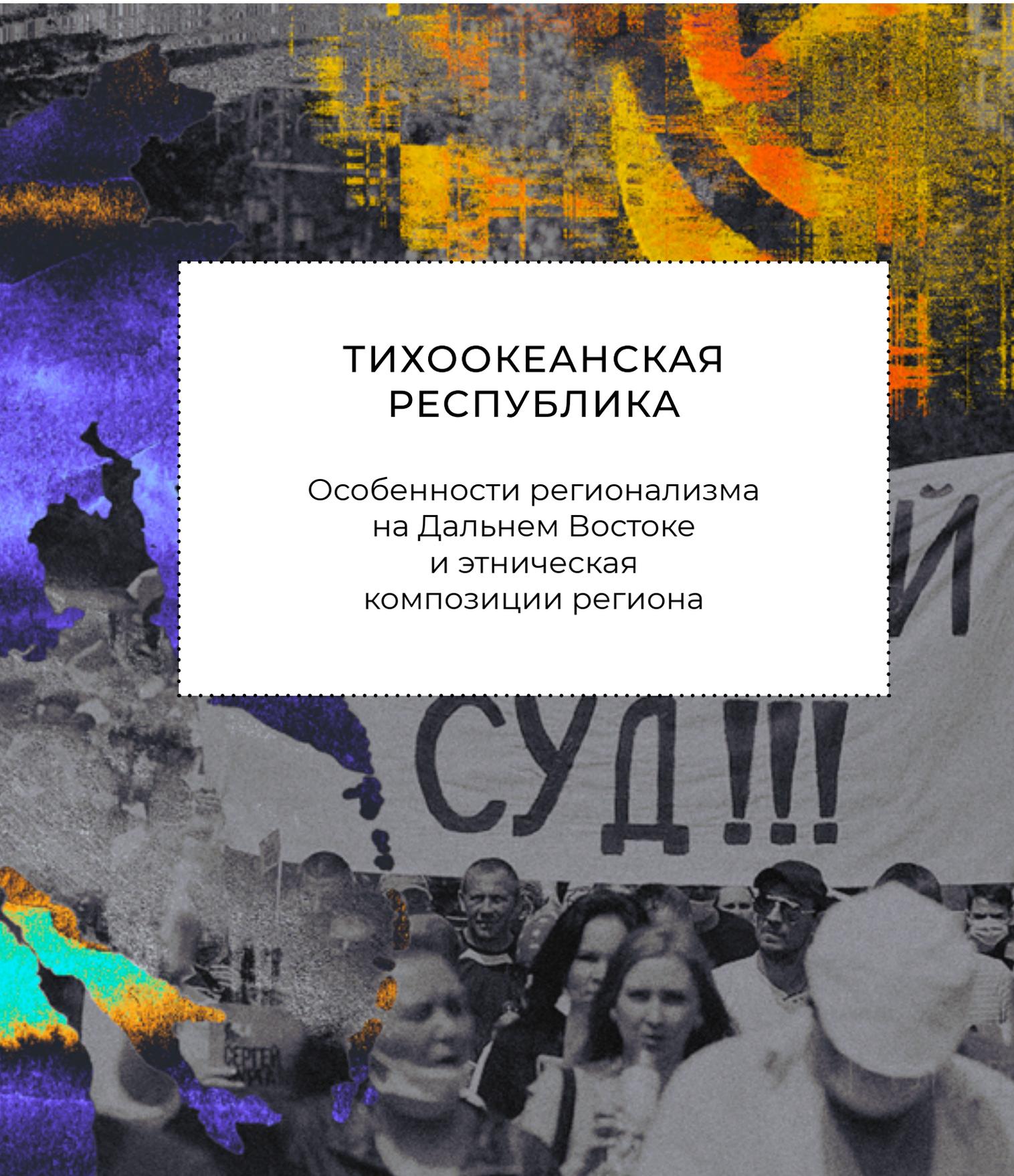
Может ли результатом антиколониальной риторики в Коми стать отделение республики от России? Теоретически — да. Формально у нее есть готовая государственная структура, включая конституцию. Но географически она может оказаться государством-анклавом. Кроме того, внутренний запрос на собственную государственность не так велик и скорее маргинален. Но будет ли республика требовать большей федерализации и больших экономических и политических свобод? Не сомневаюсь, что да. Как только федеральная власть начнет слабеть, республика, как и многие другие края и области, станет активнее отвоевывать свои права.

Ролан Авдеев

ТИХООКЕАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Особенности регионализма
на Дальнем Востоке
и этническая
композиции региона

Говоря о деколонизации России, часто исходят из того, что «малым» народам уже дано понимание чуждости великорусской культуры, представляющей собой не более чем неизбежный контекст. Между тем проблемы инфраструктуры, закредитованности населения, нищеты, создающие почву для рекрутирования в армию (о чем говорит, например, бурятская активистка Виктория Маладаева), в равной степени относятся и к республикам, и к отдаленным «русским» областям.

Национальное самосознание, понимаемое как ощущение особого сходства между членами данного множества, не обязательно требует отдельности этноса или фенотипа, а может конструироваться вокруг любого «воображаемого» (по Бенедикту Андерсону) признака. Поэтому, не ставя под сомнение важность и особенность проблем коренных народов ДВ, я бы хотел ниже обратить внимание на то, что многие из поднимаемых в связи с этим проблем относятся не только к национальным республикам РФ, но и к регионам, которые считаются «русскими», в первую очередь — к областям и краям российского Дальнего Востока (1).

Так называемый Дальний Восток России

Попробую обрисовать мироощущение «русских» жителей дальневосточного региона. Допустим, что мы, живущие на русском ДВ, действительно определяем себя как «русские». Тогда получается, что наша типично русская природа — длинные березки и широкие поля до горизонта, наша типично русская поэзия — стихи Есенина об этих березках, наша типично русская живопись — пейзажи с этими березками, наша типично русская архитектура — русское зодчество и православный храм, а типичный, истинно русский город — город, построенный вокруг этого храма. Это то, что мы изучаем в школах в качестве нашей культуры.

Из Москвы вряд ли можно увидеть, в чем здесь проблема. Но проблема есть и состоит она в том, что все это не соответствует действительному положению вещей. Нигде на Дальнем Востоке нет этой фауны, этого климата, местные города не выстраивались многие сотни лет вокруг храмов, объекты русского зодчества вы здесь найдете только в виде исключения. Русская история,

которую нам приходится называть нашей, происходила в очень далеких от нас местах, где только некоторые из нас побывают во время отпуска. Это другое бытие определяет другое сознание. Человек в Суздале, выходя из школы, почти буквально дышит этим воздухом. «Русск_ая» житель_ница «русского» ДВ, понимая такую русскую культуру — нечто, лежащее в семи тысячах километров от не_е, — как свою культуру, не может вполне ощущать себя ни частью этой культуры, ни частью этого места. С самого детства все здесь усваивают, что настоящая жизнь происходила и происходит там. Нас и называют «дальневосточники» — живущие далеко от Москвы.

На недостаточность великорусской пропаганды на Дальнем Востоке жалуются и русские националисты:

«Кто-то скажет, что открыли во Владивостоке парк “Россия — моя история”... Но можно открыть десять парков, а при этом устанавливать статуи будд, открывать “Макдоналдсы” и “КФСы”, которые несут в себе идейный заряд куда более мощный, чем довольно скучные павильоны “Россия — моя история”. Можно проводить “дни тигра” и поддерживать на государственном уровне откровенных врагов, которые создают большие угрозы России на Дальнем Востоке».

«Полностью игнорируется даже то, что: значительная часть топонимов в Приморье и Приамурье имеют православное происхождение, <...> даже в советское время не возникало сомнений в государствообразующей, цивилизационной и культурной роли русского народа на Дальнем Востоке».

Есть такая «Русская народная линия», сторонники которой из города Уссурийска в своем доносительстве преуспели настолько, что накинулись даже на вполне патриотичного писателя, экзотизатора региона Василия Авченко и дискуссионный клуб «Тихоокеанская Россия» — абсолютно карманный патриотический проект, проводимый Союзом журналистов России на базе Президиума ДВО РАН (2). Авторы правы — действительно, «можно сколько угодно» чего-то открыть, а эффекта от этого не будет.

Но ангажированное мышление заставляет их надеяться на то, что эффекта все-таки можно добиться, если у великорусской культуры на ДВ не будет конкурентов в виде будд и фастфудов. То, что конкурент этой московской пропаганды — сама жизнь, само повседневное бытие людей, они увидеть не могут.

Между тем так называемый «Дальний Восток» России имеет огромный пласт собственной культуры. Это не только русско-язычная культура, возникающая лишь с началом русской колонизации этих земель, но в первую очередь — древние цивилизации, которые много старше Киевской Руси. (Поэтому особенно странно слушать жителей Приморья или Хабаровского края, поддерживающих возвращение «исконно русских» земель в Украине.) Все это игнорируется учебной программой. Здесь была своя революция, своя история Гражданской войны, своя история становления Советской власти.

Квинтэссенцией дальневосточной субъектности для многих здесь является феномен Дальневосточной Республики 1920–1922 годов. В школах о ней стараются не говорить, но все помнят. Вне зависимости от того, кто какую сторону занимает по поводу тех или иных моментов истории, смещение географического акцента однозначно уменьшило бы степень отчужденности, увеличило бы «фонд» мотиваций остаться в родных краях и повысило бы степень солидарности между всеми жителями ДВ вне зависимости от нации.

«Русские» в дальневосточных регионах

Выше я сказал «допустим», потому что «русские» в этом контексте понятие условное. В реальности на российском ДВ живет много украинцев. Согласно переписи населения 2010 года, всего в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Сахалинской областях проживало 2.28% украинцев или, точнее, — тех, кто называет себя украинцами. И в этом свете официальная статистика обнаруживает свою неудовлетворительность, потому что украинский «элемент» выдавливается из дальневосточной культуры как намеренными действиями властей, так и общим фоном, духом великорусского шовинизма.

Для сравнения: в 1989 году по тем же регионам украинцев было 7.1%, в 1959 — 10%. Перепись 2021 года показала еще более катастрофическое уменьшение числа украинцев. Так, например, в Хабаровском крае — с 26 тысяч в 2010 году до 7 тысяч в 2021 году.

Чтобы составить реальное представление о порядке числа украинцев на Дальнем Востоке, достаточно обратиться к истории и увидеть, как массы украинских крестьян до революции, а также рабочих — после нее и во время ВОВ приезжали в дальневосточный край со всей Украины. Топонимы хранят память об этом.

В Приморском крае есть своя Ливадия, есть село Черниговка, основанное украинцами из Черниговщины, село Богуславка — в честь города Богуславец; Киевка, Чугуевка, Славянка, Хороль и т. д. В 1923 году в целом по Дальнему Востоку соотношение украинцев и русских было 31% к 39%. Квинтэссенцией дальневосточного украинского субъекта является политическое образование, возникшее после Февральской революции, — Всеукраинский съезд Зеленого Клина.

В 2014 году Евгения Кульгина писала об украинском землячестве «Криниця» в Хабаровском крае со своим хором и центре украинской культуры «Горлица» во Владивостоке. До 2014 года разного рода культурные мероприятия помню и я: в школах дети узнавали, как возникли те или иные населенные пункты, названия, тема украинского переселенчества в целом была на слуху. С 2014 года этого больше нет, началось методичное выдавливание украинской культуры. В том же году в Хабаровске проходили чтения в честь двухсотлетия Тараса Шевченко — пресс-конференцию организаторов внезапно отменили без объяснения причин.

В 2015 году директоршу хора «Батьківська криниця» уволили после того, как она съездила в Киев, а фестиваль украинской культуры «Щедрий вечер», который «Горлица» до сих пор проводит во Владивостоке, уже проходит не как украинский фестиваль, а как некий «рождественский фестиваль», на котором дети слушают про русские православные традиции. Если присоединить к этому те помои, которые федеральная

пропаганда выливает на Украину и украинскую идентичность, и восставшую на этом фоне кухонную украинофобию, то нечего удивляться такому малому проценту украинцев в дальневосточном населении. У меня есть знакомые, которые имеют явные украинские корни или даже родились в Украине, но называют себя русскими.

Другая крупная группа переселенцев — корейцы, или так называемые «русские корейцы». Основные места их локаций — Приморье и Сахалин. По официальным данным, в 2010 году даже на Сахалине их было лишь 5%, однако если вы окажетесь на острове, вам эта цифра будет казаться странной: вы будете видеть корейцев буквально везде.

В Южно-Сахалинске есть Центр корейской культуры, и это единственная известная мне подобная институция. Несмотря на то, что корейцы имеют явное отличие фенотипа, к ним можно применить то же, что сказано выше об украинцах. Представьте, что вы, будучи русским, родились где-то в глубине Китая, допустим в Синине, и таких, как вы, русских там достаточно много, чтобы постоянно встречать похожих на себя на улице. Все вы с детства учитесь в китайских школах, где учите китайские историю и традиции, в России вы никогда не были, языка не знаете, и вам это даже не нужно. Как вы, скорее всего, назовете себя, если вас спросят?

В России это положение усугубляется тем, что пропаганда представляет русскость не как национальность, а как наднациональность: «русский — это не нация, а состояние души».

Российские корейцы как фенотип и как культурная идентичность существуют в значительном объеме, что является базисом для возникновения политической идентичности (3).

Политическая артикуляция проблемы

Говоря о том, как культурная непредставленность ведет к политическому размежеванию, я ограничусь одним, наиболее известным для всех россиян примером — митингах 2020 года в Хабаровском крае по поводу ареста губернатора Сергея

Фургала, которые немного распространились и на Владивосток. Не стоит думать, что люди горевали о системном чиновнике от марионеточной партии и были уверены в его невинности. По существу или нет был обвинен Фургал, не имело значения. Недовольство копилось много лет. В результате демаркации при Путине российско-китайской границы дачные участки хабаровчан оказались в Китае — ушло 337 квадратных километров. Китай также получил в аренду 3.5 миллиона гектаров земли на 50 лет с правом ведения сельско-хозяйственной деятельности и вырубке лесов. Последнее — особенно большая тема. Пожалуй, сахалинцам не так жалко свой газ, как приморцам и хабаровчанам — их лес. Массовая вырубка лесов уже давно влияет на климат: появились ветра, которых раньше не было, и подтопления территорий.

Похожая на Фургала история до этого случилась с сахалинским губернатором Хорошавиным и готовилась для губернатора Приморья Дарькина, аналогичным образом заканчивается судьба каждого мэра Владивостока. Таким образом, к проблемам экологии и экономики присоединилось общее непонимание этих показных судилищ — они, может, и преступники, но почему их судят на другом крае земли? И почему на том же крае земли находятся получатели прибылей от продажи рыбы и леса? И почему по просьбе одного путинского лакея кто-то может просто так переназначить центр ДФО? На этом фоне Фургал просто стал спусковым крючком.

Примечателен также случай камчатского ЛГБТ-активиста Дмитрия Самойленко. В 2016 г. он с коллегами опубликовал брошюру «Традиционные формы сексуального поведения у коренных народов Севера», где на основе данных русских колонистов показал, как у камчадалов были развиты гомосексуальность и трансгендерность. За это на него пытались повесить тяжелую статью об экстремизме — «оскорбил» коренные народы. Последнее, что я знаю о Дмитрие, — он собирал помощь на оплату штрафов за антивоенный активизм.

Относительно проблемы диспропорции власти в Центре и регионах, актуальной не только для Дальнего Востока, многое можно понять, если смотреть на нее через призму различения публичного и приватного. Сегодня федерация в России

фактически упразднена. В этой России публичным является только то, что происходит в Москве либо между Москвой и регионами. То, что происходит внутри региона, остается в сфере частного. Сегодня в РФ регион — это не субъект федерации, а вотчина, врученная царем (Москвой) воеводе (губернатору). Главная задача последнего — постоянно демонстрировать центру, что на доверенной территории он является единственным авторитетом и все контролирует, следовательно, способен гарантировать лояльность (4). Реальные условия воспроизводства государственной власти в субъекте федерации, таким образом, лежат не в самом субъекте федерации, а в Москве, и сводятся к тому, чтобы посылать в Центр правильные цифры, прихорашивать нужные проспекты перед посещением премьер-министра или президента и демонстрировать лояльность населения.

Итак, Москва — публичное, регион — приватное. Протесты в региональном центре — частная проблема губернатора. Как нечто публичное они воспринимаются, только если попадают в фокус центральных СМИ, но опять же — лишь поскольку в этом случае они затрагивают отношения власти региона и центральной власти. Поэтому жителям отдельных субъектов РФ нет смысла выходить к своим властям с требованиями, например, принятия закона о домашнем насилии и отмены дискриминирующих законов в отношении ЛГБТ+, в то время как в Москве и СПб достаточно сильные протесты хотя бы гипотетически могут изменить эту ситуацию даже при отсутствии активности в остальной части страны.

Однако, с другой стороны, каким большим бы ни получился такой протест, последним аргументом власти против прогрессивных требований будет отсылка к лояльности регионов и «традиционной» культуре Юга России и Северного Кавказа. А в свою очередь отсутствие ЛГБТ+-, фем- и другого активизма в этих регионах — это (частная) забота местных властей («в Чечне нет геев»).

Азиатско-Тихоокеанские Штаты

Как правило, рассуждающие об этой проблеме ограничиваются достаточно «аккуратными» выводами. Например, уже упомянутая

Виктория Маладаева в интервью «Беда.Медиа» говорит о «реальной федерации». Оставаясь солидарным с Викторией, я хочу пойти дальше и сказать: никакая «реальная федерация» с Москвой невозможна. Наша история неоднократно показала, что компромиссные варианты решения подобных противоречий в конечном счете заканчиваются победой «того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ», вырождаются в доминирование русско-европейской культуры как универсальной. Ее дух заложил Иван III, свои методы правления она взяла из «школы монгольского рабства». Эта универсальная шовинистическая культура продолжит маскировать сырьевую эксплуатацию окраин страны. Поэтому решение этой проблемы может лежать только в политической плоскости.

Ликвидировать имперское сознание можно только посредством ликвидации самой империи. Только так окраины смогут перестать быть окраинами, а Дальний Восток — перестать быть дальним. И это будет свободой не только для «дальневосточников», но и для жителей условной Центральной России.

Симулякр «русского мира» базируется на концепте «державы суши», «большой страны». Здесь и лежит путь решения проблемы. На территории от Саха до тихоокеанского побережья нужна политическая и экономическая автономия с возможностью принимать собственные законы по всем вопросам, национализацией сырья и крупных отраслей промышленности, либо их передачей в прямую гражданскую собственность и отдельным центром эмиссии денег.

Рабочими названиями этого субъекта могут быть Азиатско-Тихоокеанские Штаты, или Азиатско-Тихоокеанские Социалистические Штаты, или Тихоокеанская Федеративная Республика. В качестве языков государственно-бюрократического оборота на этой территории должны быть взяты языки национальных республик, а также русский, украинский, корейский. Примерная однородность экономического развития регионов ДВ минимизирует вероятность возникновения здесь в будущем доминирования какой-то одной его части и возникновения аналога проблемы «север-юг» или «центр-периферия».

Вместе с этим на территории всей России необходимы сохранение единого экономического пространства со свободным передвижением товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на основе добрососедских отношений между всеми ее частями. Поэтому я поддерживаю также идею вступления такого нового субъекта в экономический, военный и отчасти политический союз с другими макросубъектами РФ — Сибирью, Уралом и так далее. Если у исторического и экономического пространства «Россия» есть какое-то место в будущем, то оно может быть только в таком качестве.

Выполненные вместе, эти требования смогут изменить условия воспроизводства власти в регионах, то есть позволят жителям регионов, в первую очередь — рабочему классу и малому бизнесу, приблизиться к управлению своими собственными ресурсами и условиями своего производства и существования без разрыва экономических связей и падения производительности труда.

1. Этот текст стал моим конспектом личного обсуждения поднимаемой здесь проблемы с некоторыми философами, рабочими, преподавателями, историками, студентами, работниками учреждений культуры, школьными учителями, активистами из разных регионов Дальневосточного федерального округа.

2. Если у кого-то есть два часа свободного времени, для понимания ситуации предлагаю посмотреть совершенно кринжовый круглый стол этого клуба «Национальная идея: между прошлым и будущим».

3. В контексте всего изложенного особый символизм я вижу в Виталии Киме — главе администрации Николаевской области Украины корейского происхождения.

4. Так называемый «хозяйственник» — еще советский концепт аполитичного администратора, который обеспечивает достижение «ключевых» показателей экономического роста на вверенной территории. В своей деятельности «хозяйственник» может прибегать к любым средствам насилия и принуждения, лишь бы эти факты не всплывали в публичном поле. Именно из советского «хозяйственника» уже в новороссийские времена вырос «государственник».

Аля Денисенко

КИТАЙСКАЯ МЕЧТА ДЛЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Значение воображаемого Китая
для россиян, ищущих аргументы
в поддержку войны в Украине

В основе поддержки и оправдания войны лежат разнообразные представления (или мифы) о международных отношениях, экономике и политике. Рассуждая о причинах и последствиях войны в Украине, респонденты прибегают к различным понятиям и образам для объяснения происходящего. Китай — а точнее, образ Китая — играет важную роль в воображении россиян, которые выражают поддержку или непротивление войне.

Образ Китая действительно нередко возникает в рассуждениях поддерживающих войну россиян, он встречается и в социальных сетях, и при личном общении. Однако в этом тексте я решила поделиться материалом глубинных интервью, собранным в рамках проекта PS Lab о восприятии войны россиянами за период с конца февраля 2022 г. по декабрь 2022 г. Анализ 301 интервью обнаруживает, что в ответах респондентов, которые не относятся к противникам войны или высказываются в ее поддержку (122 интервью плюс 40 повторных интервью), Китай чаще всего упоминается в двух контекстах. Первый — в ответах на вопрос о желаемом будущем для России. Второй — в размышлениях о Китае как сегодняшнем союзнике России. Стоит отдельно заметить, что во время интервью респондентов спрашивали о причинах начала войны, об их отношении к войне, к санкциям, к возможности ядерного удара и о том, как они видят будущее России и окончание войны. Специально Китай интервьюерами не упоминался.

Как в Китае

Упоминание Китая в рассуждениях о том, какое будущее сторонники войны хотят для России, дает возможность проанализировать представления (и мифы) о Китае. Анализ таких высказываний респондентов показывает, что образ Китая помогает создать оптимистическую картину будущего России. Такой образ будущего важен, так как для многих респондентов поддержка или непротивление войне строится как раз на уверенности или надежде, что Россия выбрала правильный путь. Для многих поддерживающих войну, в том числе тех, кто изначально занимал нейтральную или неуверенную позицию, но потом стал так называемым «новым патриотом» (необходимость довоевывать, быть со своей страной, не быть виноватым), именно представление о будущем России становится основой поддержки. Война видится

либо как неизбежное, либо как уже случившееся событие, которое дает России шанс на возрождение и приобретение «истинной самостоятельности» (см. главы 2.1.4, 2.1.6 в нашем исследовательском отчете).

Именно идея экономической самостоятельности Китая выглядит особенно привлекательной для информантов. Так, на вопрос «Какое будущее нужно России и как его достичь?» в ноябре 2022 года 32-летний житель Ярославской области отвечает:

«Лично я не вижу выхода, кроме как какой-то страшный рывок, <...> чтобы потом была какая-то автаркия вроде Китая, чтобы были свои товары или были такие партнеры торговые, за счет которых можно было бы жить, типа китайцев. Потому что иначе никак — очередные санкции и все».

Автаркия в этом контексте употребляется не как теоретическое понятие, означающее крайнюю закрытость экономики, а как состояние некоей желаемой экономической самостоятельности страны, обретшей независимость и достоинство.

Другой респондент, мужчина 45 лет из Архангельской области, на такой же вопрос о будущем России в апреле 2022 отвечает более развернуто:

«[Я хотел бы,] чтобы независимо от нефти и газа страна имела свои заводы, свое производство абсолютно всего. [Была] полностью независима энергетически, финансово, то есть [была] самоустоявшаяся страна. Ну и с конвертируемым рублем, вот так. То есть страна, которая была бы все-таки самостоятельной. Ну вот мы смотрим на Китай. Когда-то ведь Китаю Америка объявила экономическую войну. Это так громко было заявлено. Это было очень давно. [Америка] объявила Китаю экономическую войну ну где-то, может, в 90-х, где-то там. И Китай так серьезно к этой экономической войне отнесся, что сегодня смотришь на нынешний Китай и думаешь: да, это вот действительно уже держава устоявшаяся, самостоятельная. А эта держава, между прочим, когда-то... как отстающей стране мы помогали всем».

По этим репликам видно, что люди могут делать ошибки в фактической информации: экономическую войну Китаю объявил Трамп в 2018 году, к тому моменту «китайское экономическое чудо»

уже состоялось и Китай уже в течение 33 лет показывал лучшие экономические показатели роста в мире. Но примечательно, что именно экономическая самостоятельность, которая, судя по пожеланиям респондента, взята почти в абсолюте (свои заводы и производство абсолютно всего, энергетическая и финансовая независимость и конвертируемый рубль), является желанным будущим для респондента, который поддерживает войну (а не, например, расширение территорий). Экономическая самостоятельность — «как у Китая» — гарантирует стране желанный статус «устоявшейся самостоятельной державы» и становится важным элементом оправдания поддержки войны.

При этом образ Китая как ориентира привлекателен для респондентов не только своей экономической самостоятельностью, но и — если полагаться на понятия, которые они используют — за счет своей «изолированности» и «закрытости». Некоторых респондентов, поддерживающих войну, не пугает изоляция России, например, в сфере образования, так как успех развития Китая они прямо связывают с его изолированностью. Отвечая на вопрос о риске изоляции и том, как это может отразиться на образовании в России, в ноябре 2022 года респондент рассуждает так:

«Грубо говоря, в Советском Союзе же был этот «железный занавес». У нас специалисты были самые лучшие. А можно даже это комментировать на уровне других республик. В плане того: Китай, он же тоже изолированный. Как он за последние 10 лет вырос? Он нас обогнал».

В Китае политическая система отличается крайней закрытостью: почти неизвестно, как принимаются политические решения в Китае или как проходит внутривластная борьба. Но экономически с 1979 года Китай — не изолированная, а открытая страна без «железного занавеса», где именно потоки людей, идей и денег — через китайскую диаспору по всему миру и многочисленные международные инвестиции и проекты — обеспечивают ее развитие. Китай как один из главных бенефициаров глобализации, по максимуму выжав выгоды для себя как от открытости инвестициям, так и от объема экспорта в другие страны, серьезно заговорил про самостоятельность и независимость сектора высоких технологий только после охлаждения со стороны США.

Многие эксперты отмечают, что кремлевская пропаганда так и не смогла предложить россиянам образ будущего. Пропаганда выстраивает свою позицию против «коллективного Запада» (НАТО, Европы, США), но не дает альтернативной идеологии или ясной картины, куда именно идет страна. В условиях такой идеологической пустоты образ Китая становится для некоторых подходящим ориентиром, оправдывающим решения правительства. В современных российских реалиях такой образ идеологически поощряется: «поворот на Восток» идет уже 10 лет, российско-китайское сотрудничество преподносится в положительном свете в пропаганде, Китай в текущем моменте воспринимается как правильный союзник. Циркулирующие клише о Китае как «младшем брате СССР» позволяют вообразить это родство, а представление о Китае как «тоже изолированном» позволяет верить, что путь развития, выбранный текущим режимом России схож с путем, который выбрал Китай. Более того, обида на США/«коллективный Запад» заставляет некоторых россиян искать точку противостояния — с какой позиции они могут противопоставлять себя Западу. «Традиционные ценности» и «скрепы» во многих случаях неэффективны, а вот мысленный альянс с сильным игроком — Китаем — позволяет получить более крепкую идеологическую опору.

Причина, по которой Китай — страна, очень отличная от России по демографии, экономической стратегии и политическому управлению, не говоря уже о социальном устройстве и культуре, — может восприниматься как ориентир будущего для России, это некое воображаемое историческое и идеологическое родство России с Китаем. То, что Китай — это большая не-западная авторитарная (как и Россия) страна, делает это сравнение легче, но именно наличие некоего общего коммунистического/социалистического прошлого с Китаем позволяет респондентам выстраивать логические конструкции, в которых экономически успешный и самостоятельный сейчас Китай становится образом будущего России. Этот образ предстает такой альтернативной историей развития СССР: без развала 1991 года, без периода увлечения «западными ценностями и демократией», без травм 90-х и ошибок, когда «нас перестали бояться и уважать». (При этом у респондентов

нет рассуждений о привлекательности изоляции или автаркии, как в Северной Корее, Иране или Беларуси. Эти страны могут упоминаться как возможные союзники России, но, не являясь успешными экономически, они не становятся ориентирами для будущего развития России.)

Образ успешного Китая также используется в рассуждениях, которые показывают, что цензура и насилие внутри России могут не вызывать отторжения в том числе потому, что источником успеха и развития Китая видится не многовекторная прагматичная экономическая политика Китая, а его «жесткость» и «диктатура». Например, в октябре 2022 года информант родом из Владивостока, ныне проживающий в Санкт-Петербурге, рассуждает так:

«Лучше всех сейчас китайцы себя чувствуют, им параллельно просто. Они умудрились закрыться от всего мира на определенный срок, и теперь, скажем так, без Китая ничего вообще не происходит в мире. Те же iPhone, те же телефоны, по которым мы с вами общаемся, они все сделаны там — вот и все. Просто в определенный момент лидеры своей страны повернулись к своему народу. Да, там жестко, там до сих пор расстрелы. Но, блин, демократии никакой не существует, этого не будет никогда. Диктатура, тирания — это почему-то единственное, что развивает страны».

И «демократия», и «диктатура» здесь — это понятия, лишенные конкретного содержания, но обладающие мощной символической силой. «Демократии никакой не существует, этого не будет никогда» — это эмоциональная фраза человека, который верил в чудо, а чуда не случилось. Фраза, где отрицание и невозможность некоего идеального конструкта означает уход в противоположный абсолют («диктатура, тирания — это почему-то единственное, что развивает страны»). В таком рассуждении — полном, возможно, разочарования и растерянности — есть и упрощенное, наивное видение мира. На запад от России — демократия, но там разочарование, там мираж. Мы там были, нам не понравилось. А на восток от России (Китай) — там диктатура и тирания, они развивают страны. Там мы были, нам опять туда.

Такая привлекательность «диктатуры» и «тирании» хорошо вписывается и в общий культ силы, который есть у респондентов,

поддерживающих войну. Образ силы — важный элемент в восприятии Китая. Информант из Санкт-Петербурга в марте 2022 года так рассуждает о Китае в контексте обсуждения западных санкций, наложенных на Россию:

«С Китаем так разговаривать нельзя, поэтому Китай делает все, что хочет. Китай захватил Тибет абсолютно без последствий для себя, Китай захватил Внутреннюю Монголию абсолютно без последствий для себя. Китай сейчас проводит этнические чистки и очень серьезно посматривает на Тайвань. А что? Они могут это сделать, потому что они слишком сильны. <...> Путин не нравится Западу десятки лет, и западные кампании ниоткуда не выходили. Опять же западные компании спокойно, мирно, хорошо, прекрасно работают в том же Китае. Никто не пытается через санкции заставить китайцев скинуть коммунистическую партию, хотя она тоже не нравится [Западу]».

Неэтичность и готовность мирового бизнеса вести дела с кем угодно, пока репутационные потери не перейдут в материальные, заставляет информанта всерьез задаваться вопросом: Путин и до этого не нравился западным компаниям, но бизнес не уходил. Из Китая бизнес не уходит до сих пор. Значит, ключ к решению проблемы — это стать «как Китай», сильнее и влиятельнее.

Стоит отметить, что китайский рынок и как производитель, и как потребитель — это действительно мощный игрок. По некоторым оценкам, в 2018 г. средний класс в Китае составлял 707 миллионов человек — и это крайне привлекательный рынок для глобальных компаний, которые могут ради прибыли закрывать глаза на нарушения прав человека в Китае. Но даже следуя этой циничной логике, непонятно, какое отношение к этому имеет Россия с сокращающимся в неизвестных темпах населением в 140 миллионов.

Китай как союзник

Упоминание Китая как союзника чаще всего встречается в контексте обсуждения антироссийских санкций. Например, в марте 2022 г. 60-летняя респондентка из Москвы так рассуждала про них:

«Россия — большая страна, здесь много ископаемых. Рано или поздно мы выйдем из этого кризиса. Не хочется просто грубо говорить, но чем больше наклоняют Россию, тем она крепче становится, я считаю. Конечно, какие-то вещи мы не можем производить, машины те же. Но есть Восток — Корея, Китай».

А вот высказывание другой 41-летней жительницы Москвы в апреле 2022 г.:

«Санкции — мне кажется, что они сами себе грызут хвост и наказывают себя этими санкциями. Конечно, это сложный путь для нас. Я надеюсь, что мы сможем устоять, несмотря на санкции, и очень рассчитываю, что те вещи, которые мы до сих пор не производили, или [о которых] с советских времен забыли, возродятся, или мы найдем пути взаимодействия с Китаем, с Индией, что мы сможем через эту сложную ситуацию пройти. И не потеряем, а только выиграем».

В октябре 2022 г. информант из Йошкар-Олы, рассуждая о формировании «большой коалиции» на востоке как заслуги Путина, отмечает при этом, что есть сомнения в Китае как партнере:

Во-первых, очень круто подняли всю восточную часть, как бы скрепили в одну могучую кучку. Еще одна большая коалиция появилась в мире благодаря этому. А идея-то была, собственно, путинская. С Китаем очень хорошо... Ну китайцы те еще куркули, но, по крайней мере, отношения с ними очень даже вполне еще дружественные.

«Те еще куркули» — здесь имеется в виду не столько прижимистость китайцев, сколько их склонность действовать в своих интересах. Но примечателен и акцент на текущем моменте, и то, что пока «отношения с ними очень даже вполне еще дружественные».

У некоторых респондентов есть понимание, что Китай — это более влиятельная страна, чем Россия, и Россия входит в эти отношения в слабой позиции. В марте 2022 г. респондент из Казани рассуждает, что Россия экономически не может оказать конкуренцию двум сверхдержавам (США и Китаю), поэтому «надо развернуться внутрь страны и начинать работать внутри своей экономики, поднимать ее дальше», а пока экономика не так сильна, надо «держаться нашего партнера»:

«Как вести в этой ситуации себе России? Держаться нашего партнера. Мы давно Китаю говорим, что мы друзья. И он тоже считает нас своим союзником и другом. В этой ситуации дружить надо с сильным. Когда Китай был маленьким и слабым, он дружил с сильным Советским Союзом. Тем самым он обеспечил себя на долгие годы... <...> Сейчас позиции поменялись».

Этот же информант в повторном интервью в октябре 2022 года, размышляя о том, как изменился мир после 24 февраля 2022, продолжает видеть плюсы для России в сложившейся международной ситуации. Главным лейтмотивом становится противостояние влиянию Америки («мир сейчас понимает, что под пиндосов можно не прогибаться»). В такой ситуации динамика отношений с Китаем рассматривается исключительно в текущем моменте, а любые риски откладываются на потом взамен на наличие сторонников сейчас:

«...Уже даже у нас в городе юани можно спокойно в банке купить, ограничений нет. Уже китайские компании, считай, нас имеют в юанях. То есть это уже будет проблема китайско-российская, когда Китай нас начнет поглощать, [но] это будет уже другой вопрос. Но на данном этапе бизнес тихонечко идет, дипломатия с восточными странами».

Фраза «когда Китай нас начнет поглощать» — это отсылка к давно циркулирующему в российском обществе опасению, что Китай может захватить часть российской территории. Но такие страхи и опасения циркулируют как некая абстракция. Это, с одной стороны, абстракция, лишенная исторического контекста. Про конфликт на острове Даманский между КНР и СССР в 1969 году либо не помнят, либо эта память лишена подпитки пропаганды. А новая демаркация российско-китайской границы в 2005 году при Путине и передача Китаю 337 квадратных километров территории,

где до этого находились дачные участки россиян, — история, актуальная для жителей регионов Южной Сибири и Дальнего Востока, но малоизвестная среди жителей регионов, далеких от границы с Китаем. С другой стороны, эта абстракция лишена контекста: для того, чтобы понять, как Китай может «поглощать» Россию в будущем (или уже поглощает), нужен глубокий анализ экономической деятельности и ситуации (экономической и социальной) как в регионах, граничащих с Китаем, так и российской экономики в целом. Но ни потребности, ни разговора о необходимости этого нет в государственных СМИ и пропаганде.

Важно выделить два момента. Первое — это то, что неприязнь к Америке (и общая обида на Запад), как и текущее возбуждение от войны, оказываются достаточными, чтобы броситься в отношения со страной, чьи мотивы и стратегии вызывают вполне оправданное подозрение. Второе — это осознанный акцент на текущем моменте и признание, что размышления и анализ ситуации намеренно переносятся в неопределенный момент в будущем. Нежелание и неспособность представить последствия и своих действий, и действий руководства страны уводят рассуждения о реальной геополитической ситуации и реальных последствиях сегодняшних решений в тональность «поживем-увидим» (об этом также здесь). Мысли от обиды или от рефлекса ограничивают и темпоральность принятия решений в таком сложном вопросе, как выстраивание будущего, стратегии. В октябре 2022 г. информант из Санкт-Петербурга, который совмещает восхищение украинской культурой с поддержкой войны, так рассуждает о том, как он видит свою позицию в контексте текущей ситуации:

«Взгляды у нас всю жизнь меняются. Как они сформируются — я смогу это только на смертном одре сказать. Сейчас-то мало ли что... Может быть, выяснится, что дядя Вова нас всех продал китайцам, и все это делается для того, чтобы биологические лаборатории новые на Украине вырастить, чтобы из нас делать киборгов. Мало ли? Фантастические теории всякие бывают. Тогда — да... А пока что — наблюдаем, чем можем — помогаем».

Пространство для принятия решения отодвигается и начинается даже не там, где будет «красная линия» или «пробьется дно», а вовсе отдается в категорию фантастического («может, киборгов из нас хочет сделать, может, китайцам всех нас продал»).

Представления большинства российских граждан о Китае складываются из текстов и фактов, циркулирующих в ограниченном Кремлем медиапространстве. Мифы о Китае, которыми оперируют сторонники войны, — это прежде всего результат работы российской пропаганды: отсутствие объемной или критической информации о Китае в российских государственных СМИ, а иногда и просто перепечатывание материалов китайской пропаганды. Вместо объемной дискуссии и сложной информации — история успеха без объяснений, история обещаний без оснований.

Сконструированный образ Китая — изолированный, самостоятельный, экономически успешный, который может диктовать условия с позиции силы, — отражает желаемое многими будущее России. Такой образ не только заполняет идеологическую пустоту в видении будущего, но и легитимирует и оправдывает ведение войны. Этот взгляд, направленный поверх реалий, ужасов войны вдаль, в воображаемое будущее, позволяет мыслить в категориях запланированного и разумного движения вперед, к «истинной самостоятельности» и экономическому процветанию. Использование образа сильного Китая как ориентира позволяет также выстроить позицию коллективного противостояния: мы не одни, мы вместе (с Китаем) против Запада. И все это — заимствуя вымышленную историю чужого успеха, которая на самом деле очень мало отношения имеет и к возможному будущему России, и к реальной истории успеха Китая. Присоединение к сильному в российско-китайских отношениях («держаться нашего партнера», «дружить надо с сильным») и допущение риска такого сотрудничества («когда Китай нас начнет поглощать, это будет уже другой вопрос») противоречит желанной «самостоятельности», ради которой многие поддерживают войну. Но размышления в тональности «поживем-увидим» освобождают от необходимости брать ответственность.

Алена Сойко

ПЛАТА ЗА ТОННЫ

Российские грузоперевозки
и дальнобойщиках до и после
начала войны

«Платон» — так называется автоматизированная система по взиманию платы за использование дорог федерального значения. Она была введена в России 15 ноября 2015 года. Государство оправдывало эту меру ущербом, который наносят автомобильным дорогам большегрузы. Буквальная расшифровка названия «Платон» — «плата за тонны» — не отражает реального смысла системы. По сути, все платят одинаково: существует лишь нижняя планка в 12 тонн, а конечная сумма зависит от километража, который водитель проехал по федеральной трассе. Собранные средства должны перечисляться в федеральный дорожный фонд и покрывать расходы по ремонтному обслуживанию и строительству федеральных дорог.

Реализовывать данный проект решено было при помощи частного сектора. Росавтодор (федеральное дорожное агентство) заключил соглашение с частной компанией «РТ-Инвест транспортные системы», которая занимается «модернизацией» перевозок. 23,5% этой компании принадлежат долларовому миллиардеру и старшему сыну Аркадия Ротенберга — Игорю. Еще 19% приходится на Андрея Шепелова: его компании на правах монополиста занимаются сбором, сортировкой и утилизацией отходов в Татарстане и по всей Москве.

Госкорпорации «Ростех» имеет 25,5% в «РТ-Инвесте», при этом самой крупной долей в 39,9% владеет Сергей Скворцов, который еще несколько лет назад служил заместителем и советником как известно, производятся российские танки, артиллерия, реактивные системы залпового огня, а также двигатели, боеприпасы, стрелковое вооружение и технологии радиоэлектронной борьбы. Так система, призванная организовать и автоматизировать сбор платежей с тем, чтобы отправить их на нужды дорожного строительства, оказалась напрямую связана с крупнейшим военно-промышленным объединением страны.

Изначально планировалось, что после запуска системы дальнобойщики должны будут платить по 3,73 рубля за каждый километр федеральной трассы. За неуплату предусматривались штрафы. Тогда, как и сейчас, размер административного штрафа для водителя и/или собственника транспортного средства

составлял 5000 руб. за первое нарушение и 10 000 руб. — за повторное (в соответствии со статьей 12.21.3 КоАП РФ). Однако на фоне недовольства водителей правительство приняло льготный коэффициент, и тариф до марта 2016 был снижен до 1,53 рубля за километр. Но и эта цена оставалась для частных грузоперевозчиков неподъемной.

В условиях коронавирусного кризиса Ассоциация международных автомобильных перевозчиков обратилась к властям с просьбой приостановить «Платон», однако в Минтрансе сборы за пользование дорогами были признаны «некритичными» как для водителей, так и для отрасли в целом.

Краткая история протеста

Запуск «Платона» сопровождался протестными акциями водителей большегрузов по всей России, стартовавшими уже 11 ноября 2015 года. Дальнобойщики требовали полного отказа от этой системы, которая, по их мнению, способна лишь «добить малый и средний бизнес».

Протесты проходили стихийно, и в разных регионах использовались разные тактики сопротивления. Например, на федеральной трассе М4 «Дон» водители полностью заблокировали правую полосу. Сотрудники ДПС пытались разогнать участников несанкционированной акции, однако машин было слишком много. На трассе М51 Новосибирск–Омск недалеко от аэропорта «Толмачево» около 300 фур выстроились на обочине дороги.

В Челябинске около 100 дальнобойщиков в течение часа ходили по пешеходному переходу туда-обратно, не давая проехать легковым автомобилям. А в Перми водители большегрузов намеренно ездили с черепашьей скоростью, в результате чего там образовалась огромная пробка. Это далеко не полный список, но он отчетливо говорит о характере протеста.

Часть дальнобойщиков из Дагестана (бывшего одним из самых активных протестных регионов) приняли решение отправиться в Москву и встать на стационарную забастовку.

Информация об этом появилась 27 ноября, и уже 3 декабря 20 машинам удалось попасть на стоянку подмосковных Химок.

Похожую забастовку чуть раньше пытались осуществить дальнобойщики из Санкт-Петербурга на трассе М-10 недалеко от Зеленогорска, но закрепиться там у них не получилось. Узнав о лагере защитников Химкинского леса, часть водителей направилась в сторону Москвы. Там возник один из самых известных стационарных протестных лагерей, который существовал в таком режиме несколько месяцев.

Следующий важный этап протеста водителей против системы «Платон» начался в конце марта 2017 года, накануне того, как тарифы на «Платон» должны были вырасти еще больше. Водители разбили лагерь прямо на Московском шоссе в Санкт-Петербурге. Также забастовки дальнобойщиков проходили в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии. Сотни фур стояли под Екатеринбургом, Волгоградом, в Красноярске, Петрозаводске, Уссурийске, Улан-Удэ, в Саратовский и Мурманской областях. В общем и целом, более 50 регионов приняли участие в протестах.

Отмены «Платона» дальнобойщики так и не добились, но правительство все же вынуждено было пойти на компромисс. Тарифы были снижены в два с половиной раза — с 3,73 до 1,53 рубля за километр пройденного пути.

На сегодняшний день «Платон» существует в России уже 8 лет. Его ставка неоднократно индексировалась и повышалась. 1 февраля 2023 года тариф был снова проиндексирован на 30 копеек. Сейчас стоимость одного километра проезда по федеральной трассы выросла с 2,54 рубля до 2,84.

«Приспособились, а не отсталяли»

«Ориентация российского транспортного бизнеса, вернее его управленцев — Минтранса и других государственных органов, — была направлена на то, чтобы брать все идеи в Европе. То, что принималось там, переносилось и к нам. Система “Платон” — это та же система Toll Collect. Но европейский рынок и наш —

абсолютно разные, хотя они и находятся рядом и пересекаются... Европа — маленькая, в ней много стран, и каждая пытается защитить свой рынок, своих перевозчиков, свои дороги, — поэтому они начали вводить плату. В России же эта система была нелогична», — говорит Андрей Бажутин, один из лидеров протеста дальнобойщиков в 2015 и 2017 годах.

По словам Андрея, в России изначально было очень мало транзитных перевозчиков, из-за чего вся нагрузка легла на местный рынок. Но местный рынок не поддерживался, а лишь убивался. Появление системы «Платон» усугубило и без того сложное положение, когда в себестоимости перевозки давным-давно уже не присутствовали прибыль и маржа, а одни только накладные расходы.

«Сначала работал водителем на межгород и по городу, потом мне все это надоело, и я решил начать работать на себя, — рассказывает перевозчик Алексей. — Те, кто давно в этом бизнесе, меня отговаривали. Мол, хорошие времена уже прошли. Но я их не послушал, купил старенький “Камаз”, старенький прицеп и начал работать. Первые два-три года работы на себя можно отметить как самые лучшие. И мне тогда казалось, что я был прав, а люди какую-то ерунду говорили. Но потом — да, с каждым годом все шло на спад. Запчасти и топливо дорожали, а цена на перевозки не увеличивалась. Как итог — все меньше и меньше у тебя остается денег».

Алексей говорит, что его лично «Платон» никак не затронул. Он, как и многие частники, приспособился и даже не регистрировался в этой системе: «Мне кажется, все, кто не ушел с рынка, нашли способ обходить этот налог. Способов много: есть gps-глушилки, которые при проезде под рамой не дают снимать деньги, есть откидывающиеся номера, не позволяющие камере считывать номерные знаки. Много чего есть».

Тем не менее Алексей активно участвовал в протестах. Страшно было не то, каким тяжелым бременем ляжет на водителей это нововведение, поражал масштаб несправедливости: «Вот что мы опять позволим им так с собой поступать! Но мы в итоге ничего и не отстаивали. С другой стороны,

с таким количеством участников справиться с системой и невозможно было».

Дальнобойщики сходятся на том, что платить этот налог безболезненно позволить себе могут только крупные компании, которые работают совершенно на других условиях — например, могут заложить налог в стоимость перевозки.

«Судите сами, — рассказывает Алексей, — я обычно езжу из Рязани в Москву и область. В зависимости от того, куда я еду, я бы платил от тысячи до полутора за рейс — при ставке 20 тысяч. Кто-то скажет: ерунда! Да, не могу сказать, что это прямо убило бы меня и мое дело. Мне просто было бы тяжелее. Нужны запчасти, нужно заправляться, платить налог за деятельность и транспортный налог в 35 тысяч...”Платон” просто стал бы еще одной нагрузкой, которая затрудняла бы мою и без того непростую деятельность». И резюмирует: «Не платил, не плачу и платить не буду! Кроме этого, я ведь не верю, что эти деньги идут на что-то хорошее и полезное. С таким уровнем коррупции? А что дороги за эти годы качественно изменились, этого я не заметил!»

В 2015 году активная фаза протестов привела к тому, что небольшой инициативной группой дальнобойщиков удалось встретиться с тогдашним министром транспорта РФ Максимом Соколовым (сейчас эту должность занимает Виталий Савельев). Соколов тогда сказал, что об отмене «Платона» не может идти и речи, однако взамен пообещал предоставлять данные о том, куда распределяются собранные системой средства. Но за все 8 лет ни одного отчета так и не было опубликовано.

Андрей Бажутин говорит, что соотношение крупного и мелкого бизнеса до прихода системы «Платон» уже было плачевным: «“Платон” просто добил. Я сам по время протестов много ездил по стране, общался с перевозчиками, теми, кто занимал активную гражданскую позицию... Что я хочу сказать? Практически всех этих людей на рынке уже нет!»

Сам Бажутин занимался перевозками с 1991 года. Поначалу что-то брал в аренду, в 2004 году официально открыл свой бизнес. В лучшие времена количество машин достигло 7 штук. «Правда, с каждым годом я стал замечать, что обороты моего бизнеса как будто и наращиваются, но прибыльная часть становится все меньше. Поэтому, конечно, я был против введения системы “Платон”».

Активное участие в протестном движении вынудило его в 2016 году выставить две свои последние машины на продажу.

«Это произошло прежде всего по политическим причинам. Меня на легковых машинах постоянно останавливали: мол, номера в розыске. Просто останавливали гаишники, в течение длительного времени что-то говорили, о чем-то спрашивали, с кем-то созванивались, плюс фоном постоянные задержания. И я понимал, что если у меня такие проблемы на легковой машине, то на грузовиках с негабаритом — не вариант вообще. Я как-то сразу смирился, что этот бизнес у меня просто умер. Но я не ушел с рынка — зарабатывать на жизнь нужно было. Просто банально пошел водителем к своим друзьям. Так я проработал до 2021 года, пока не уехал из страны. В Канаде сейчас зарабатываю тем, что ремонтирую американские траки».

«Все работают в поте лица, но нет прибыли»

Биржи автомобильных грузоперевозок ATI.SU в декабре 2022 года провели опрос: «Более половины перевозчиков (56%) отметили, что они все еще находятся на грани выживания, и лишь пятая часть (21%) считает, что положение дел исправилось во второй половине года. Впрочем, есть и оптимисты: 14% опрошенных стабильно работали весь год, а 7% и вовсе сумели извлечь для себя выгоды из кризиса, развив бизнес и увеличив доход».

«Экономика очень сильно просела. Я чаще всего вожу стройматериалы на частные объекты, но после 24-го стройка как-то застопорилась, соответственно возить стало особо нечего. Колоссально повысились цены на запчасти. Потом это немного откатилось, но все равно стоит все немало, очень подорожало

топливо. При этом очевидно стало меньше заказов и загрузок», — говорит Алексей.

С 19 марта начали действовать новые справочники средней стоимости запчастей, материалов и нормо-часа работ — исходя из этого и рассчитываются выплаты по ОСАГО.

Как сообщил в марте 2023 года президент Российского союза автостраховщиков Евгений Уфимцев, средняя стоимость запчастей по сравнению с ценами марта прошлого года увеличилась на 19,5%: «Несмотря на постепенную стабилизацию ситуации с наличием запчастей в сервисах, достичь ценовых показателей прошлого года пока не удается».

Больше всего страдают владельцы машин тех марок, которые или полностью ушли с рынка, или на время «приостановили» свою деятельность. Здесь подорожания доходят до 45 процентов. Самыми дорогими деталями считаются двери. Капоты, бамперы, оптика, лобовые стекла, — эти детали подорожали на 60%.

«Рынок перевозок получает сильнейший удар от разных экономических и политических событий в первую очередь. Как и банковское дело. Разница лишь в том, что у банкиров денег много, а у перевозчиков нет, — говорит Андрей Бажутин.. — Все, что в страну ввозится, что бы нам ни говорили про железную дорогу, — ввозится колесами. Друг Путина Ротенберг пытался в свое время перенести перевозки на РЖД, но не получилось. ЖД у нас в России не развита. Есть Транссиб, скорость на котором маленькая, и недостроенный БАМ. В общем, все».

Одно из самых болезненных последствий войны для грузоперевозок — уход с рынка ключевых игроков: Skania и Volvo. «В России было производство этих автомобилей — ничего больше нет. На сегодняшний день рынок пытается занять Sitrak... Ну, скажем так: немецкий Mann в китайском исполнении. И люди покупают хоть эти машины, пытаются изворачиваться даже в такой экономической ситуации. Многие себя успокаивают: да, цены выросли, но вроде как немного устаканиваются. Но это только так кажется. Я знаю и людей с маленьким парком, и с большим...Общее у них одно:

все работают в поте лица, но нет прибыли, есть только расходные статьи», — резюмирует Бажутин.

Еще одна важная особенность рынка грузоперевозок России в том, что он часто жил за счет больших госпроектов: Сочинская олимпиада, Западный скоростной диаметр, мосты, дороги, нефтяные скважины. «Мы все туда что-то возили и хорошо зарабатывали. Санкции убили рынок нацпроектов тоже, их больше нет, плюс все сейчас ориентировано на войну. Да, кто-то сейчас принимает активное участие, возят стройматериалы на Донбасс. Я понимаю, людям нужно жить, но не поддерживаю это абсолютно!»

Все водители, говорит Бажутин, сходятся на том, что сильно сократились сами перевозки: «Я не хочу сказать, что их совсем нет, их просто крайне мало. Ну и ставки на перевозки, они не то что не повышаются — сползли вниз».

Для того чтобы оценить, насколько мало стало работы, можно привести следующий пример.

«Я перевожу стройматериалы, грузюсь чаще всего на Рязанских железно-бетонных заводах, их там несколько. — рассказывает Алексей. — В хорошие времена в сезон очень много времени приходилось проводить в очередях. На каждую зону погрузки — огромное количество машин. Сейчас весной и летом, в сезон, по моим ощущениям, машин стало меньше ровно наполовину. Что касается зимы или осени, то осталась треть от того, что там раньше было. Ты приезжаешь на завод сейчас, а там — никого! В такие моменты просто радуешься, как тебе повезло, что ты вообще нашел заказ — остальным, видимо, совсем не повезло, раз рядом с тобой всего две-три машины стоит.

У нас же импорта было очень много. Станки, оборудование, сельскохозяйственная техника, — Россия сама ничего этого не производит. Как итог, больше всех пострадал мелкий и средний бизнес. Нет частного перевозчика — есть монополия в виде крупного игрока. Нет, я не хочу сказать, что частников совсем не осталось. Просто их мало, и все на грани выживания. А людям нужно по-прежнему жить, нужно работать!

Понимаете, ведь среди них есть много тех, кто всю жизнь на это положил. Делал это всегда хорошо. И ничего кроме этого делать уже не умеет!»

«Просыпаюсь, и первая мысль: идет война»

«Наверное, главное разочарование в том, что часть тех людей, с кем мы боролись против системы “Платон” и общей несправедливости, добровольно пошла на фронт воевать на стороне России. Другая часть просто поддерживает эту войну, рассказывая мне, что им в Ростове-на-Дону виднее, что происходит, чем мне в Канаде, — говорит Андрей. — У меня дальний родственник пошел добровольцем. И, как бы парадоксально это ни звучало для псевдопатриотов, он разочаровался в том, что увидел. Я всегда в друзья добавлял и людей с другими взглядами — ну глупо закрываться и находиться в компании своих единомышленников. А то рано или поздно тоже начнешь вести себя, как Путин. И мне, увы, кажется, что большинство поддерживает эту войну, не осознавая до конца, чему они потворствуют!»

«Я через неделю после начала войны сделал надпись на борту: написал “нет войне” и нарисовал два пацифика. Довольно долго, кстати, так ездил — около двух месяцев. Потом все-таки меня задержали на дороге, присудили 30 тысяч штрафа за дискредитацию российской армии, — подытоживает Алексей. — Родина — это, с одной стороны, место, где ты родился. А с другой стороны — “родное”. Вот “родного” тут у меня не осталось больше. Как и родины больше нет. Я бы с удовольствием покинул эту страну, но нет возможности это сделать в связи с семейным положением. Я не могу изменить ситуацию, могу только выражать свою позицию и свои настроения. Я до сих пор каждое утро просыпаюсь, и первая мысль: идет война. Совершенно бессмысленная, ужасная, состоящая из одних военных преступлений. Какой уж тут “Платон”?»

При этом в марте 2022 года обращалась к властям с просьбой установить двухлетний мораторий на индексацию ставок по тарифам. Законопроект о приостановке «Платона» и отмене

платы за пользование трассами, внесенный в Госдуму тогда же, был рассмотрен в мае и не получил никакой поддержки.

В целом, нельзя сказать, что война, развязанная Россией в Украине 7 лет спустя после введения «Платона», уничтожила грузоперевозки. Потребность предприятий в транспортировке самых разнообразных грузов никуда не делась, вот только положение водителей, чья работа никак не связана с нуждами «СВО», стало еще тяжелее, чем прежде. Многие остаются, не бросают дело, в которое вкладывались годами. Вопрос в том, насколько сегодня это дело может прокормить. Водители большегрузов вынуждены выживать, пока бизнесмен Игорь Ротенберг, как и прочие бенефициары российского режима, красуются в очередном списке журнала Forbes, а госкорпорация «Ростех» гордится растущим объемом производства ракет и танков.

Итиль Темная

БОЛЬШИНСТВА НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Российское ЛГБТ+ движение,
иерархии внутри сообществ
и активистская этика
сегодняшнего дня

В прошлом году в реестр «иностранных агентов» занесли «Ириду» — небольшое самарское сообщество по защите прав ЛГБТК+, о котором Минюст РФ, кажется, узнал раньше, чем коллеги. Неделю спустя там же оказалось и «Спортивное ЛГБТ-сообщество» (Федерация ЛГБТ-спорта России), которое не занималось политической деятельностью вовсе. Очевидно, что в обоих случаях власти руководствовались исключительно формальными признаками: организованная деятельность, связанная с темой ЛГБТ+.

Ярлык «иноагента» — один из типов государственных репрессий, усложняющий деятельность объединениям и людям, находящимся внутри России: регистрация юридического лица, финансовая отчетность и аудит, обязательные пометки в публичных коммуникациях. Заметно, что внутренние органы РФ считают угрозой любую организованную инициативу, любое лидерство или то, что посчитают таковым. Получается, сейчас небезопасно объединяться в сообщества и заниматься чем-то системно. Люди начинают с горечью говорить, что это «уничтожение всего, что было нами достигнуто» и «конец ЛГБТ+ движения».

На самом деле можно говорить только о конце публичных организованных структур, потому что многие объединения продолжают работу в прежнем режиме как сообщества. И даже если представить, что у государства получится ликвидировать любые известные структуры, нельзя сводить все ЛГБТ+ движение только к ним. Всякая форма деятельности появляется только тогда, когда для этого есть объективная возможность. Даже советские диссидентские «разговоры на кухнях» (над которыми с появлением гласности стало принято смеяться) и тем более встречи на так называемых «конспиративных квартирах» стали распространенным явлением лишь с того момента, как уменьшилась концентрация сексотов на подъезд.

За последние лет десять разнообразие форм организованной деятельности стало привычным, и отказываться от каких-либо из них было неприятно: такой отказ — это всегда отказ от ресурсов. В ответ на подобные разговоры нередко предлагалось (и предлагается до сих пор) объединяться «во что бы то ни стало» и перед лицом общей беды выработать «правильный способ активизма». Однако внутренние дискуссии внутри активистских

сообществ свидетельствуют о противоположных настроениях. Обращение к этим дискуссиям и их нормализация сегодня позволяют поставить следующий вопрос: может ли именно отсутствие единства стать результативной политической силой? Ответ на этот вопрос также предполагает переопределение самого термина «активизм».

Охранители режима воспринимают ЛГБТ+ людей единой группой с общими ценностями. В таком же качестве ЛГБТ+ сообщество выставляется в пропагандистских передачах, да и сами активисты и активистки также находятся под влиянием этой идеи. Однако идея единого сообщества, если и была когда-нибудь актуальной, устарела даже без государственного преследования. Даже самые вдохновляющие лозунги, апеллирующие к единству, в реальности сталкиваются с комплексной проблемой внутриактивистской иерархии и неравного доступа к ресурсам. Озвучивать ее прямо и учиться обсуждать — шаги на пути к ее преодолению.

Пока мы едины, мы непобедимы?

Сегодня под сообществом, по крайней мере применительно к ЛГБТ+ и квир-персонам, подразумевается объединение по общему признаку стигматизации: МОГИИ+ — маргинализованные ориентации, гендерные идентичности и интерсекс. Это теоретическая группа, которой не существует в реальной жизни: она состоит из множества отдельных индивидов, которые не всегда находятся в уязвимом положении, а также сообществ, которые далеко не всегда свободны от предубеждений по отношению друг к другу. Взгляду извне различия, вероятно, неочевидны, но изнутри на этом спектре видны множество оттенков. Гомосексуальные люди могут быть бифобны, бисексуальные — трансфобны, трансгендерные мужчины или женщины могут не верить в существование гендерфлюидности или агендерности, а агендерные могут чувствовать себя комфортно в гетеронормативности.

Кроме сексуальной и гендерной существует множество прочих социальных идентичностей и индивидуальных различий: в политических взглядах, бытовых привычках, музыкальных вкусах, устройстве семейных отношений и пр. Желание «быть среди своих»

не защищает от разногласий по любому из этих поводов, даже если находиться в пределах относительно гомогенной группы. И хотя в ЛГБТ+ сообществе знают, каково чувствовать себя изгоем, даже активисты и активистки со стажем нередко относятся с предубеждением к людям как внутри сообщества, так и снаружи. Например, в полемике можно столкнуться с убежденностью в том, что есть «правильные» и «неправильные» представители и представительницы движений.

Одновременно с этим есть ощущение, что ко всем, кто противопоставляет себя так называемому традиционному обществу, как бы предъявлены требования «быть лучшей версией человека». Есть социальные ожидания (не всегда сформулированные напрямую), что активисты и активистки будут «служить примером», в том числе в вопросах солидарности. Следствием завышенных требований к себе и своему сообществу становится то, что внутреннюю критику становится сложнее озвучить — а озвученная, она встречает эмоциональное сопротивление и отрицание проблемы. Замкнутый круг. Если расхождение в позициях становится явным, в личных дискуссиях самые разные активисты и активистки могут быстро «выписать» друг друга из числа «своих», причисляя к «чужим». Рано или поздно это приводит к диктату «мейнстримных» мнений и маргинализации всех остальных. Это происходит именно из-за доминирующей идеи «единства» и повторяется и в малом масштабе, и в большом.

Например, если ЛГБТ+ инициатива присоединяется к другим оппозиционным инициативам, можно встретить требования «временно отложить» свою повестку как «менее приоритетную». Однако без репрезентации на уровне повестки создается впечатление отсутствия ЛГБТ+ людей в общем деле, что скорее всего приведет к стиранию их заслуг и к уменьшению веса их голоса.

В большом масштабе эту проблему заметить легко: не бывает более или менее приоритетных прав, гражданские права не могут быть ранжированы по важности. Внутри локальных объединений сложнее. Сегодня почти во всех городах РФ (кроме, вероятно, Москвы и Санкт-Петербурга) на весь город может быть только одно ЛГБТ+ комьюнити. Если кому-то оно не подходит, возникает выбор:

поступить собственными интересами «ради общего дела» или отстраниться от участия. В итоге в локальной группе чаще всего остаются только те, кому в ней комфортно. Если у альтернативных мнений не будет ресурсов для репрезентации, снаружи будет казаться, что в регионе (а в некоторых случаях — и в стране) действительно больше никого нет.

Иногда «быть активисткой» — это привилегия доступа к микрофону. При этом почти невозможно «стать активисткой», еще не имея такого доступа и «полезных связей». Именно так активистское сообщество превращается в «тусовку», в которой все знакомы со всеми и занимаются агитацией только среди своих же, отправляя всех несогласных в черный список.

Такое положение возникло не сейчас, и обсуждать его тоже начали не сегодня. Например, представительницы третьей волны феминизма убедительно критиковали идеи «универсального сестринства», обращая внимание на то, что «медийный феминизм» принадлежит только белым привилегированным женщинам. Советское диссидентское движение принято отождествлять с правозащитным движением, чаще всего с ограниченным списком имен, хотя история советского инакомыслия гораздо шире. А из свидетельств самих диссидентов можно узнать о внутренних разногласиях, в том числе о нежелании примерять на себя ярлык диссидента, например, из-за того, что «диссидент» воспринимался «интеллигентом из столицы». В 2016 году Квирфест проходил под лозунгом «Видеть невидимое» и поднимал вопросы иерархии, в том числе внутри сообщества: по региональному, национальному, возрастному и другим признакам.

Внутриактивистская иерархия и неравный доступ к ресурсам — это общая проблема формирования гражданских инициатив, и российская реальность не исключение. Над этой проблемой работают как отдельные активистки и активисты, так и сообщества. Тем не менее вопрос остается актуальным, особенно в условиях войны.

Мы здесь власть

Общественные и политические кризисы всегда делают две вещи: вовлекают в гражданский активизм новых людей и одновременно подчеркивают общую разобщенность. Так, в 2020 году, в принципиально новых условиях глобальной пандемии, идея о свободе собраний вступила в конфликт с идеей о необходимости ограничений. Люди, солидарные ранее, почувствовали себя в разных лагерях. Это случается и в результате постепенных изменений. Когда-то традиционной акцией на 17 мая (Международный день борьбы с гомофобией, бифобией и трансфобией) было запускать в небо разноцветные воздушные шары. Со временем, когда позиция эко-активисток получила заметную репрезентацию, акция перестала подходить для всего сообщества.

Новые люди в активизме сталкиваются как со старыми, так и с новыми вопросами и проблемами. Работают ли мирные акции, или нужно использовать тактики прямого действия? П-слово — это гомофобное ругательство, или оно уже утратило свое изначальное значение? Можно ли использовать объективацию (в том числе самообъективацию) женщин в стратегических целях? Каждый новый человек в активизме отвечает на эти вопросы по-своему и может пересматривать свое мнение со временем.

Субъективно для каждого человека важно быть частью сообщества, которое воспринимается как собственное безопасное пространство, как семья. Иногда внутренние разногласия ощущаются как разрушение собственного дома. «Критиковать своих», особенно если это становится известно за пределами участниц конфликта, — не только делает наши уязвимости видимыми для врагов, но еще и бестактно по отношению к близким людям и угрожает отношениям, которые хотя бы частично хочется сохранить. Запускать этот процесс комфортно только тогда, когда уже произошла достаточная сепарация от сообщества и оно не воспринимается абсолютно «своим». Важно чувствовать, что открытая критика не повлияет ни на текущие отношения, ни на будущие, то есть должна отсутствовать зависимость от этих связей (в том числе психологическая), либо должно быть достаточно ресурсов для преодоления негативных последствий для себя.

Из известных случаев можно вспомнить две ситуации, случившиеся внутри команды ЛГБТ-организации «Выход»: обвинение в харассменте в 2019 году и обвинение в абьюзивном поведении в 2022. Оба раза обсуждение инициировали люди, которые уже не были частью коллектива. Некоторые активист_ки открыто говорят о проблемах межактивистской иерархии, прозрачности, этики и т. д. Однако большинство случаев травматичного взаимодействия никогда не попадает в публичное пространство даже в «обезличенном» виде.

Обсуждение внутренних разногласий — это всегда вопрос распределения власти и привилегий. В любой группе есть давление группы, внутренние авторитеты, а также, к сожалению, область «неназываемого», то есть темы, о которых нельзя не только спорить, но и вообще обсуждать. Очертить конкретный круг табу вряд ли возможно, но гласные и негласные правила так или иначе оформляют границы этой области в каждом отдельном сообществе. И каждый конфликт решается в зависимости от того, «кто здесь власть».

Присвоение власти не всегда происходит намеренно. Неравное положение и неравномерное распределение ресурсов не являются абсолютным и абстрактным злом, оторванным от действительности. Однако в парадигме иерархического мышления оппозирующее мнение сегодня то и дело подозревают в намерении присвоить власть. При этом подразумевается, что за конкретной критикой стоят скрытые мотивы оппозиции, в которых она якобы отказывается признаваться: «зависть» или «желание хайпа», то есть неудовлетворенность собственным положением в иерархии и стремление подняться на более высокую ступень. Такая конспирологическая модель подразумевает, что эти ступени объективно существуют и для всех обладают одинаковой ценностью.

Нравится, не нравится — империя развалится

После вступления российско-украинской войны в активную фазу разобщенность стала более явной: «уехавшие против оставшихся», «мирный протест против акций прямого действия»,

дискуссии о «коллективной ответственности» и т. д. Можно также услышать обвинения в том, что «у оппозиции нет лидера» или что «ЛГБТ-движение больше занято спорами внутри сообщества, чем сплоченной борьбой». Однако тотально упорядочить активистскую деятельность невозможно точно так же, как невозможно ранжировать социальные проблемы.

Само слово «активизм» — слишком размыто, сегодня оно как будто бы не выражает ничего конкретного. Деятельность активистов и активисток может быть непубличной (модерация паблика, оцифровка писем политзаключенных, верификация списков погибших военных), а в некоторых случаях — полностью анонимной и партизанской, то есть прямо исключающей публичность. Вопрос, существует ли звук, если его никто не слышит, в данном случае имеет политический смысл: у партизанских активистов как бы исчезает «право активистского голоса» при обсуждении внутри сообщества.

Можно предположить, что даже невидимый активизм предполагает «акт», но относить людей в категорию «активистов и активисток» только на основании регулярных действий тоже ошибочно. Перестала ли я быть активисткой, когда временно затаилась после обыска? Если со снижением дохода исчезла возможность совершать пожертвования, можно ли говорить, что «он был активистом, но перестал из-за финансового кризиса»? Если персона время от времени проводит мероприятия в своей инициативной группе, она постоянная активистка или «от случая к случаю»? Активизм — это не трудовой стаж, который накапливается во время занятости в конкретных проектах.

Более того, активизм может не быть намеренным актом вовсе. В 2016 году на Первомайском шествии во Владивостоке несколько человек были задержаны за радужную символику. СМИ представили это событие как попытку провести публичную акцию. Я была среди тех задержанных и могу рассказать: в тот конкретный день мы действительно вышли на прогулку (как и множество других граждан), но не планировали намеренно привлекать чье-либо внимание. Акция была таковой только в глазах посторонних наблюдателей.

Так возникает следующий вопрос: как провести границу между активистской деятельностью и частной? Выбор темы дипломной работы, личный разговор в кругу знакомых, желание выглядеть в соответствии со своей идентичностью, — это активистские проекты или проявление личных интересов? Личное — это политическое? Может, «неактивистской» деятельности вообще не существует, есть только вовлеченность в дело, и нельзя угадать, кто, когда и почему назовет его активизмом?

Все эти вопросы дают основания рассматривать активизм не как деятельность, а как активное и осознанное включение в общую сеть, то есть нахождение в общем контексте и готовность тратить свои силы, когда для этого будут возможность, желание и хорошая компания. Без подходящих условий люди ждут своего часа как спящие агенты, но не исчезают из общего дела.

Так что нельзя говорить о конце российского ЛГБТ+ движения по факту появления особо репрессивного законодательства. Изменилась окружающая действительность, но остались люди, которые продолжают прежнюю деятельность и ищут новые возможности. Одновременно нельзя ожидать, что у всех людей (и «спящих», и «проявленных» агентов) будут единая мотивация и цели. Все это можно применить ко многим гражданским инициативам, но к ЛГБТ+ людям в особенности. Формирование идентичности — индивидуальный процесс, и ЛГБТ+ движение никогда не представляло собой слаженную песню. Это всегда был стихийный шум индивидуальных голосов.

Вездесущая иерархичность не означает, что такой способ построения отношений является оптимальным. Негативная реакция чаще всего приходится на хорошо организованную деятельность, но не потому, что иерархические системы действительно являются более сильной угрозой, а потому, что они воспринимаются в качестве таковой в парадигме иерархического мышления. Однако идеологической победой над империей не может быть построение новой империи. Мы можем противопоставлять России не иерархическую организацию, а общность — альтернативную «ЛГБТ+ Россию».

Примером эффективной борьбы с государственным диктатом до сих пор может быть работа советских диссидентов и диссиденток. При этом советские инакомыслящие не свергли режим, не держались единого лидера и образа действий, а большинство было не в курсе их деятельности (репрессии в СССР, как и сейчас, не освещались подцензурными СМИ). Также они не стали значимой политической силой. Их главная заслуга была в ином: диссидентский мир со всеми противоречиями вырабатывал модель будущего гражданского общества, противопоставляя себя тоталитарному.

Одно решение — сопротивление

Есть мнение, будто разногласия играют на руку режиму. На самом деле, наоборот: гражданское общество невозможно без открытых дискуссий и представленности как можно большего числа мнений.

Людям свойственно строить именно иерархические отношения, потому что они в них растут и формируются. Вполне логично стремиться создать для себя комфортную среду, в которой «все будут вести себя хорошо». Это возможно при создании сейфспейса, то есть эксклюзивного, организованного пространства, в котором находятся только люди, поведение которых соответствует установленным правилам — а если не соответствует, их можно выдворить вон. Однако в инклюзивном сообществе, в которое люди при этом попали не произвольно, неизбежно возникнет столкновение интересов. Невозможно изгнать кого-либо из коллективного пространства, и невозможно в него кого-либо «принять».

В таком обществе нужно учиться обсуждению, а не (само)цензуре ради идеи единства. Социальный договор можно свести к одному: никто не пытается намеренно обидеть других людей. Обязанность, налагаемая таким социальным договором, состоит не в том, чтобы принуждать себя участвовать в токсичной коммуникации, но в том, чтобы (в соответствии все с тем же единственным правилом) не стараться нанести оскорбление в ответ.

В каждом конкретном проекте необходимо распределение функций, а значит, возникает иерархия. Но ее не должно существовать за пределами проекта, в том числе внутри каждой

конкретной группы. Можно разделять непопулярное мнение. Можно критиковать «своих». Запрет может быть не на позицию, а только на способы и ситуации ее выражения, и даже такой запрет не может быть безусловным.

Это не горизонтальный подход (горизонтальность — тоже определение для конкретных отношений управления), но также и не атомизация. Напротив, к атомизации приводит положение, при котором разногласия (идейные или личные) становятся поводом для сепарации.

Что же конкретно можно делать, руководствуясь этим подходом сегодня? Попробуем сформулировать три направления:

- репрезентировать себя и собственные интересы. Каждый и каждая из нас является независимым СМИ с собственной аудиторией. Нормально, если ваша репрезентация не совпадает с репрезентацией других людей, даже если вы сходитесь в том, как называется ваша идентичность. Главное — стараться не использовать обобщения, не говорить за всех сразу.

В особенности с осторожностью следует говорить за тех, кем вы не являетесь;

- фокусироваться на личных возможностях («что могу сделать лично я») и объединяться с теми, кто делает то же;

- распространять информацию, но не брать на себя миссию открыть глаза другим людям. Делиться опытом и инструкциями (не «что», а «как»), чтобы находить тех, с кем можно объединяться.

Важно также делиться эфирным пространством. Например, Дальневосточное общественное движение «Маяк» во Владивостоке может предоставить пространство для вашего проекта, даже если его не будет разделять 100% команды. Я могу опубликовать ваше мнение в своем блоге, даже если не согласна с вами.

Проблему неравного распределения ресурсов нельзя решить быстро, но начать ее необходимо с изменения собственного отношения к разногласиям. Это может помочь преодолеть самоцензуру, не сводя общение только к измерению «лучше/хуже» и давлению личных авторитетов.

Стигматизированные группы в силу своего положения чувствительны к языку вражды. Война притупляет эту чувствительность, делая язык вражды легитимным. У ЛГБТ+ сообщества уже есть суперсила, которая будет полезна и тем, кто не является частью сообщества: распознавать язык вражды и направлять разногласия в конструктивное русло.

Отсутствие единства — хороший сигнал. Он означает, что в сообществе есть свобода мнений и возможность их высказывать. Чем больше ног у гражданского общества, тем крепче оно стоит — и тем большим количеством оно может пинаться.

Серия публикаций
подготовлена при поддержке
«Фонда им. Фридриха Эберта»

**FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG**